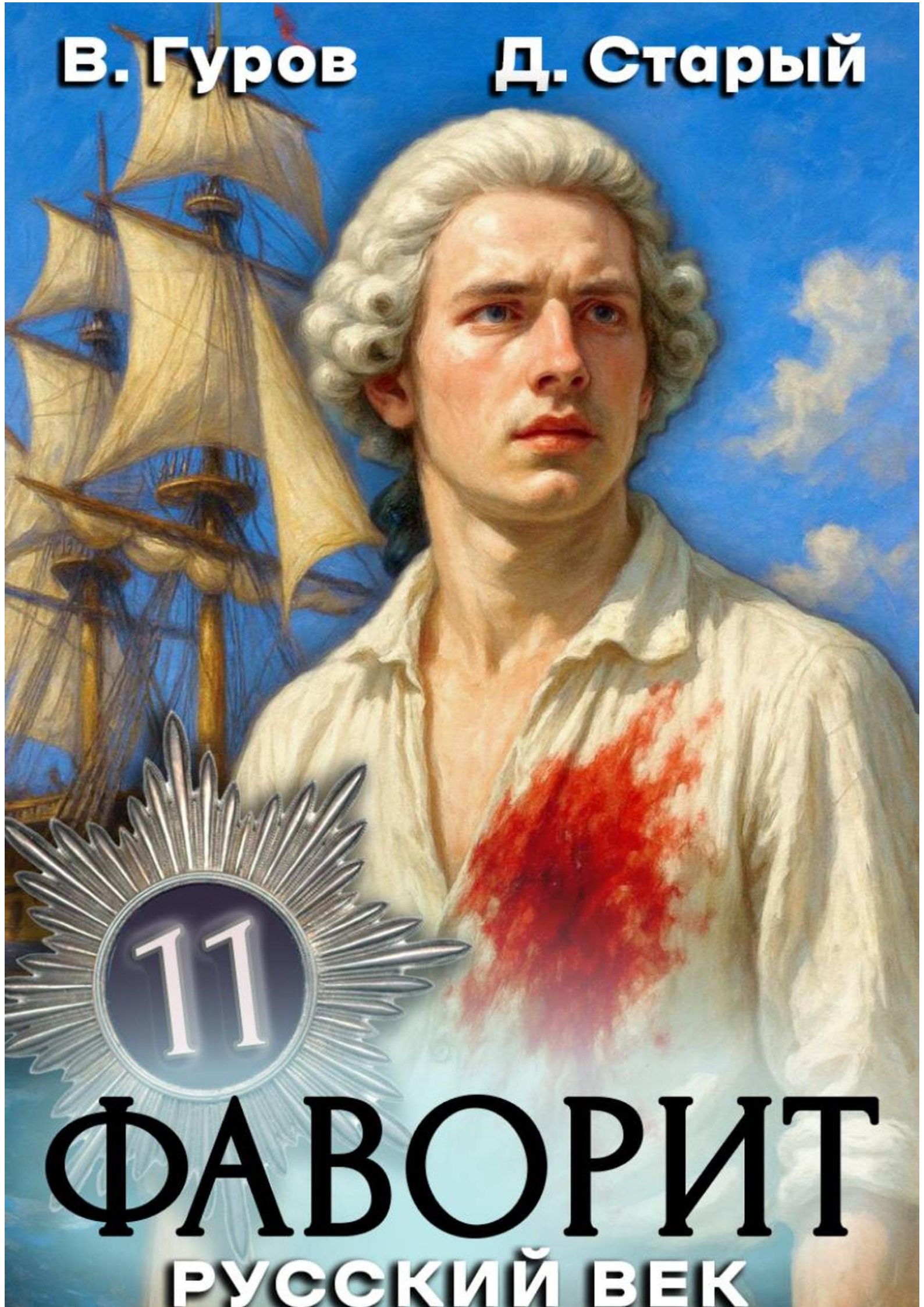

В. Гуров

Д. Старый

11

ФАВОРИТ

РУССКИЙ ВЕК

Валерий Гуров

Фаворит 11. Русский век

«Автор»

«Автор»

2026

Гуров В.

Фаворит 11. Русский век / В. Гуров — «Автор», «Автор», 2026

Очнулся — кровь на лице, палуба дрожит, пушки молчат. Французы на горизонте. На фрегате паника. Капитан-француз приказывает сдаться. А я? Я ветеран. Прошел Великую Отечественную. И у меня один принцип: РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ. Теперь я в 1730-х. Успел поднять бунт на корабле, сохранить честь флага и попасть под военный трибунал. Но я не ломаюсь. Бирон, Анна Иоанновна, тайная канцелярия? Пусть приходят. Я здесь не для того, чтобы вписаться в историю. Я здесь, чтобы ее переписать.

© Гуров В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Денис Старый

Фаворит 11. Русский век

Глава 1

Мы – за уничтожение войны, нам война не нужна, но уничтожить войну можно только через войну. Если хочешь, чтобы винтовок не было, – берись за винтовку.
Мао Дзедун

Луганск. 20 июня 1742 год

Я не сорвался. Сломая голову, не полетел решать проблемы, хотя они уже появляются и мало ли... может и самые сложные в моей жизни. Причем и во внешней политике, но ожидаемо; и во внутренней, но неожиданно. Сесть на коня, взять заводного, лететь по почтовым станциям и не останавливаться. Нет.

Чтобы съесть блюдо, его сперва нужно приготовить, порой и потомить на медленном огне. Ничего не горит, не подгорает. Напротив, если я стану действовать импульсивно, то только наврежу себе. Да и пора бы доверять тем людям, которые стали за последние пять лет настоящими профессионалами.

Тем более, бежать не нужно, так как тут же были отправлены вестовые в нужные точки, в том числе и в Вену. Необходимо как можно больше вводных, чтобы принимать судьбоносные решения.

Так что я выдохнул, засучил рукава, достал бумаги, в том числе и переданные мне по ведомству Тайной канцелярии, — началась работа по Луганску. Пригласил вновь и градоначальника.

Кстати, а ведь Леонтий Иванович Миргородский почти и не ворует. Почти... Наверное, ещё долго в России будет просто неприлично оставаться честным человеком. Вот даже, казалось бы, зачем те двести рублей, которые были положены в карман градоначальником, если у него зарплата здесь и сейчас шестьсот рублей? Но ведь факт хищения имущества случился.

— И почему это произошло? Вам настолько нужны были деньги? Или у вас появилась какая-то страсть, которая требует дополнительных трат? — уже после того, как мы полтора часа обсуждали планы, а я делал себе заметки, чем помочь городу и что на Совете директоров мне доложили неполную картину, — высказал я и претензии.

— Прошу простить меня... Как только будет выплачено мне жалованье, я всенепременно положу туда взятую мной сумму. Смею заметить, что взял я не двести рублей, а тысячу. Я знаю о том, что вы цените честность и принципиальность, но нынче у меня были существенные траты, и я не хотел обращаться по этому поводу к своему брату, — повинился Леонтий Иванович.

Да уж, недоработка. Получается, не досмотрели мои люди. Больше взял себе Миргородский. Но, судя по всему, я причину таких трат знаю. Это не оправдывает поступок. Но он ведет себя в парадигме нынешних чиновников. Вот они деньги! Государственные или меценатов? Плевать! Деньги же вот они! Хвать их на свои нужды. Искоренить все это ни за пять лет, ни за десять, нельзя. Но никто не говорит, что бороться не следует.

— Вы решили самолично экипировать двух гвардейцев кирасирского полка? Небось, лошадей хороших купили, мундиры пошили — парадный и повседневный, и не по одному? — говорил я.

И оказался прав... Признаться, что меня сильно привлекло и оставило некоторый отпечаток, выделяя этого человека из немалого количества других, которые стремятся со мной подружиться, — это его близнецы. Два парня, которым сейчас уже то ли семнадцать, то ли восемнадцать лет, и которые поступили на службу лейб-кирасирского полка.

Причём они поступили в батальон, который отдельно выведен из полка. Называется «резервным». На службу там ходят не на постоянной основе, а лишь периодически, но не реже, чем два раза в неделю. И причина не в том, что я не хочу, чтобы русская армия имела хороших кирасир. Просто в этом батальоне служат в основном молодые люди, которые при этом ещё и обучаются на заочной форме университетов.

Да, я ввёл такую практику. Есть у нас заочный факультет, где, как правило, занятия происходят три раза в неделю, а остальное время можно уделять службе, личным делам. Можно сдать экзамены экстерном, если было достойное домашнее образование. Но ведь мало кто тянет уровнем на университетский. Так что путь доучиваются.

И такое обучение стоит немалых денег. Спонсировать ещё и обучение дворянских детей я, конечно же, не могу. Россия не может. Хотя у нас есть студенты на стипендиях. Но это для выходцев из мещан или даже из крестьян, которые оказываются столь дорогими, что выпускать самородки из России никак нельзя.

Но я же не забыл, что был коммунистом. Всегда и везде стремлюсь улучшить социальные лифты. Да простит меня Ильич, если он все же такое говорил, но не считаю, что государством может управлять кухарка. А вот когда кухарка выучиться, пройдет определенный путь становления... Почему бы и нет. Екатерина Алексеевна, матушка нынешней государыни, соврать не даст.

Между прочим, государство платит помещику за то, что он предоставляет в рекруты или для дальнейшего обучения одного или более своих крестьян, но обязательно образованных, или с явными зачатками к обучению. Кроме того, силами пропаганды я создал особенный тренд. Сейчас стало очень модно отправлять своих крепостных на обучение. Немногих, единицы, но лучших и самых способных.

Мол, это уже делает многих помещиков действительно просвещёнными людьми. А если не отправил крестьянина, то ты и плохой барин. Разве что прощается настолько нищий помещик, что не можешь нанять учителей и обучить двух-трёх крестьян наукам? То-то!

— Я понимаю, что вы решили самолично экипировать своих сыновей. А ещё и так вышло, что экипировка и лошади для кирасир стоят дороже всего. Я понимаю, что вам необходимо оплачивать обучение своих сыновей в Петербургском университете — наверняка же они не в казармах живут, а на съёмных квартирах... Ну и как же молодым людям не иметь звонких монет или шелестящих денежных бумажек в кармане? — я пристально посмотрел на Леонтия Ивановича. — Но и это не повод для воровства. Это, возможно, причина, чтобы обратиться ко мне за помощью лично, напрямую. Я же вижу, что вы осознаёте, какой важный проект сейчас завершается!

— Так точно, ваше высокопревосходительство! — Миргородский стоял по струнке.

— У вас же допуск к тайнам первого ранга? — уточнил я.

— Так точно, ваше высокопревосходительство. Первого ранга и имею доступ к новым видам вооружения, — по-армейски отвечал мне градоначальник.

— Тогда провожайте меня на полигон. По дороге ещё немало чего обсудим, — сказал я. — Но... деньги в казну положите немедленно! И на год урезаю вам жалование.

— Благодарю, ваша светлость, вы не пожалеете.

— Вот и смотри... Не позорься больше. Если нужны деньги, обратись. Но и не балуй сыновей. Я присмотрю за ними в Петербурге, — сказал я.

Миргородский с ужасом посмотрел на меня. Думает, что теперь задеваю Тайную канцелярию и буду контролировать его детей? Правильно думает, но не совсем так, как это будет. Присматривать? Да! Искать компромат? Нет!

— Смотрите за городом. Делайте, что на вас возложено, и все будет и у вас и у России, хорошо, – заканчивал я рабочую встречу.

А потом вернулся домой, пообщался с женой. Но лишь пообедали вместе и разбежались. Она и сама собиралась отправиться на инспекцию по учебным заведениям Луганской агломерации. Так что наше семейство при делах. И детишки тоже: у юной барышни сегодня французский язык, рисование, чтение. Уверен, что без внимания не останется и второй мужчина в нашей семье. Няня отлично обрабатывает. Да и у нее целый штат помощников.

Сам же скоро направился к району оружейного завода. В зону, куда без соответствующего пропуска не пройти. Секретность запредельная. Хотя тут засилье голландцев. Но они под колпаком.

— Бах-бах-бах! — десяток моих охранников палили из винтовок.

Делали это так, как дети могут радоваться новой игрушке, которую ждали год. И вот родители расщедрились и купили.

Я наблюдал в бинокль, как кучно ложатся пули; рядом стоял Кашин со своими часами с секундной стрелкой. Я ему заказал-таки часы. В его задачи входило фиксировать скорость перезарядки, а также наблюдать за тем, какие сложности возникают при стрельбе.

У меня в отряде достаточно грамотные люди и умеют писать аналитические записки, размышлять и даже вносить предложения. Так что после сегодняшнего дня мне ещё предстоит и поговорить с ними, и проанализировать записки по итогам испытаний.

— Восемь! Осталось пять секунд! – кричал разгоряченный и воодушевленный Кашин.

Невиданное же дело! И он, как и я и те солдаты, что сейчас горят радостью и даже счастьем. Любят они пострелять.

Первые в этом мире унитарные патроны вышли всё-таки коряво, если, конечно, сравнивать с теми, что использовались в будущем. По виду — сравнимые с тем, как это происходило в иной реальности, но значительно позже, во второй половине XIX века.

Как ни старалась целая группа учёных-химиков во главе с Михаилом Васильевичем Ломоносовым создать капсюль без ртути, так это и не вышло. Так что в некоторой степени солдатам придётся немножко подышать парами ртути.

Но я не помню, чтобы в иной реальности это сильно влияло на здоровье солдат, которые использовали первые унитарные патроны. Или я себя успокаиваю?

— Время! — потребовал я доклада от Кашина.

— Восемь выстрелов в минуту, — радостно и удивлённо отвечал мне он. — Оставалось еще пять секунд. Следующая минута могла дать девять выстрелов.

— А вот с точностью не всё хорошо, — на основе своих наблюдений сделал я вывод.

Но было понятно, что, с одной стороны, у меня в охране очень опытные бойцы. Но ведь они впервые взяли такое оружие. И уже такие результаты. Уверен, что через месяц плотных тренировок и точность будет куда как выше, и, может, даже немного скорость заряжания увеличится.

Хотя больше нам и не надо. Больше — это уже картечница и пулемёты. Хотелось бы и на них замахнуться. Но даже с учётом того, что можно влить в проекты огромные средства, силы, люди и ресурсы, что используются для научных изысканий в области станкостроения и производства оружия, все равно технологическая база ещё слишком слаба. И с моим послезнанием и пониманием, как устроен пулемет Максима, или Дегтярёва.

Слабовато для этого периода и осознание возможностей. Это тоже важно. Как в будущем думать о том, что вот-вот солдаты будут использовать бластеры или лазеры. Фантастика. Вот и пулемет...

Но все равно, в сравнении с нашими главными конкурентами, мы впереди. И это не может не радовать.

Выбор Луганска как места главного производства нового оружия под унитарный патрон был сделан не случайно. И мы потеряли не менее чем четыре месяца, когда пришлось из Петербурга перевозить часть оборудования, новые станки по нарезке стволов, лучших оружейных мастеров.

Англия и Голландия, даже французы, пробовали это делать — организовывать промышленный шпионаж. Тайная канцелярия, практически ночующая на наших предприятиях, почти каждый месяц ловила шпиона.

А это всё говорило в пользу того, что наши потенциальные враги прекрасно осознали, в чём преимущество русской армии, и что мы в своих технологиях продвинулись сильно вперёд.

— Сколько патронов в месяц вы производите? — спрашивал я у директора второго консервного завода.

— Только начали производить. За этот месяц — пятнадцать тысяч, — чуть растерянно отвечал Вильям ван дер Хайде.

— Этого мало. Жду в следующем месяце увеличения производства в три раза. Вас же под боком всё есть. Металлов хватает, петербургскую лабораторию я перевёз сюда, так что работайте, — сказал я.

Как мне ни хотелось назначать на такое ответственное и секретное производство русских, но пришлось голландцев. Ну профессиональнее оказались, организованнее. В какой-то момент и я, и тогда ещё только поднимающаяся с колен Тайная канцелярия выпустили из виду, что на нашем экспериментальном заводе в Петербурге вдруг оказалось немало иностранцев.

Особенно почему-то много было именно голландцев. Просчёт был настолько катастрофическим, что мы подхватились лишь тогда, как один из голландских кораблей собирался покинуть Петербург, и на его борту случайным образом, а на самом деле — нет, оказалось сразу семь наших специалистов. Они, не закончив контракта, уже бежали на родину, чтобы сообщить о всех новшествах, которые увидели в России.

Везли чертежи, собственные знания. Я понимаю, что голландцы понимают: такое вот оружие может продлить агонию их лидерства на море. Может быть даже где-то немного потеснили бы бритов. Но это же не повод шпионить. За знания платить нужно и много.

Кстати, того сотрудника таможенной службы, который и поднял панику, что на голландский борт пробрались ранее не зарегистрированные на выезд из России пассажиры... Ещё ему показалось, что они сильно нервничают. После предложили еще и взятку, чтобы сотрудник как можно быстрее оформил все необходимые выездные документы.

Стоит ли теперь говорить о том, кто начальник таможенной службы в Российской империи? А ведь это был таможенник уже не молодой, опытный, который мог бы ни на что не обращать внимания, а взять взятку. А он, оказывается, настолько принципиальный, что всё-таки не берёт, патриотически настроенный верноподданный.

И, между прочим, в России сейчас таких немало. Пропаганда заработала настолько мощно, что я даже примерно год назад приказал сбавить обороты. Слепые фанатики русскому императору тоже не нужны, пусть император пока ещё об этом и не догадывается. Как он там? Ученик мой? Среди этих заговорщиков.

Сейчас в России выпускаются три журнала, восемь газет. И обязательно каждая газета должна содержать патриотически настроенные статьи. Там же рассказывается об успехах России, в нужном контексте описывается придворная жизнь и многое другое.

Так что, когда я выбирал, кому же возглавить столь ответственное и секретное производство, то скорее исходил из личностных характеристик людей, полагая, что Тайная канцелярия способна проследить за лояльностью, в том числе и этого директора. И дер Хайде умеет. Вот

не отнять, что молодец. Что удивительно, даже работая почти по принуждению. Человек из той эксклюзивной серии, что не могут сделать плохо, даже если и захотят.

Тем более таких денег, как зарабатывает он, далеко не каждый имеет.

Я взял в руку винтовку и снова стал её крутить, вертеть, заряжать, разряжать. Да, за основу была взята винтовка Холла, исполненная в первой половине XIX века американским изобретателем. Ну, конечно, многое было доделано, как и затвор — достаточно немудрёный, но пулю вгоняющий, боёк подправили. Но нет сложных пружин, механизмов. В эту историю, как она не была бы притягательной, я пока не лезу.

А ещё в этих винтовках мы несколько укоротили ствол... Есть образцы и с более длинным стволом, предполагаемые для ведения снайперского огня. Но в целом винтовка планируется как пехотная, для стрелковых подразделений. Дорого. Невероятно дорого. Но у нас это есть. А у них — нет!

— Три осечки на сто выстрелов, — вслух произнёс я.

В принципе, приемлемо. Учитывая то, что достаточно переделать затвор или поменять патрон, чтобы продолжить стрельбу.

— Сколько патронов для револьверов? — спросил я у голландца.

— Десять тысяч, — понурился, сказал он.

Я с укоризной посмотрел на директора. Опять же — мало. А ведь для производства патронов для револьверов была создана производственная линия. Да, в основном там ручной труд, но своего рода конвейер. С патронами для винтовки пока что только ремесленный труд, даже скорее напильником.

— Забираю все патроны. Причём и к винтовкам, и к револьверам. Пока я в Луганске, организуйте работу в три смены, жгите свечи, позволяю даже использовать керосиновые лампы. Но ни на минуту не останавливаться и производить патроны, — приказывал я.

Голландец кивал головой и даже что-то записывал в блокнот. А потом он поднял на меня глаза и с тоской сказал:

— А будет ли когда-нибудь у меня возможность отправиться в Голландию?

— В ближайшие пять лет на это даже не рассчитывайте, — сказал я. — Уже распорядился о том, чтобы вашу семью перевезли в Луганск. Разве вы не находите, что это замечательный город, где вы сможете работать и жить, а ваши дети будут образованы и с будущим?

— Несомненно, ваше сиятельство, — он явно говорил не то, что чувствовал. — Но я бы посетил родной Роттердам.

— Не буду вас обнадеживать, — сказал я.

Но в этом случае мне определённо безразлично, что там думает и чувствует этот человек. Главное — что он работает, что он один из немногих, кто вообще понял технологию. И несмотря на свои переживания, он весьма исполнительный. Правда, я всё равно немного разочарован небольшим количеством произведённых патронов.

Мы уходили с заводского полигона полными впечатлениями.

— Александр Лукич, вы же понимаете, какое это преимущество на поле боя? — говорил Кашин, когда мы уже возвращались в дом градоначальника.

Я лишь усмехнулся. Я-то и не понимаю? Больше, чем кто либо в этом мире.

Кашин постоянно рядом со мной, три дня тому назад я стал крёстным для его ребёнка, — он не может не видеть, не понимать, сколько я бился над тем, чтобы сейчас иметь в кобуре полноценный револьвер, и чтобы у него в руках была новейшая винтовка под унитарный патрон.

Оказалось, что мало знать, как может быть устроено такое оружие. Мало начертить капсюль и патрон. Три года бились над этим, даже терпеливый Ломоносов, который каждую из теорий, что я ему предлагал, доводил до совершенства и вникал подробнейшим образом. Даже он в какой-то момент сдавался. Лишь только моё упорство, ну а также ещё деньги и сила убеждения сделали возможным создать это оружие.

Уверен, что в других условиях, если бы не было человека, который точно знает, как это должно выглядеть и насколько это важно в рамках эволюции оружия, — да никто бы не стал заморачиваться и уже давно бы забросил работу. Уверен, что еще до непосредственного изобретения капсюля и унитарного патрона, попытки сделать это были. Но, сталкиваясь со сложностями производства, отказывались от идеи.

— Мы тебя заждались! — с некоторым укором сказала Юля.

Я ничего не ответил, подошёл к умывальнику, умыл руки с мылом, сел за стол. Сегодня у нас новомодное блюдо: мы будем есть тушёнку с макаронами. Казалось бы, всё это прозвучало даже несколько дешёво или обыденно. Вот только тушёнка в каноничные времена — не просто дорогой продукт, а ещё и модный продукт.

— Местного завода? — спросил я у прислуги, указывая на открытые банки тушёнки.

— Да, ваша светлость, — отвечала мне служанка.

А сама стоит такая, слюну пускает.

— Перед тем, как нас кормить, сами ешьте, — сделал я замечание.

Жесть для консервных банок изобрести мы не смогли. Вернее, не так: в малых количествах мы её производим, но никак невозможно на современной технологической базе производить жесть в больших количествах. Так что тушёнка у нас в банках из тонкого лужёного железа. И это тоже очень недёшево, но я пошёл на такой шаг.

Тушёнка — такой продукт, который не портится не то что годами: можно его использовать и через десять-двадцать лет. При условии, что консервация прошла правильно и достаточное количество соли использовано, да еще с лавровым листом, а офицерская еще и с перцем... Очень вкусно. Так что постепенно, но существующие на данный момент шесть консервных заводов в основном работают на армию и флот.

До восьмидесяти процентов продукции отгружается именно на армейские склады. Остальное поступает в продажу, и, к моему удивлению, даже, может быть, и шоку, тушёнка стала одним из самых уважаемых и часто заказываемых блюд во всех русских ресторанах и трактирах. А то, что её в принципе немного, только подогревает интерес и увеличивает спрос.

И если бы не обязательства консервных заводов отгружать продукцию на склады армии, то можно было зарабатывать очень приличные деньги на консервах.

Так что я подумываю над тем, чтобы скоро открывающиеся консервные заводы в Николаеве и в Бахчисарае направить всё-таки на внутренний рынок. И благо, что в Новороссии большое количество быков и коров. Есть кого на мясо пускать. Это удивительно, но по Дикому Полю бегает много одичалых быков. Едешь — и словно бы оказался в Америке, а вокруг бизоны.

Так что пока ещё в достаточной мере не развито разведение скота, чаще всего используются именно эти быки и коровы, которые пока ещё в товарном масштабе отлавливаются по всему Причерноморью.

У меня есть теория, как так получилось, что столько быков и коров гуляет по Дикому Полю. Наверняка караваны с русскими пленными и с украденными татарской животными не всегда в целостности и сохранности доходили до Крыма. Где-то сбегали коровы, как и люди.

Так что можно встретить не только коров и быков, а ещё и табуны диких лошадей. Правда, последних отлавливали ещё до прихода России в Крым.

— Иван, отправь самого надежного человека в Петербург, — говорил я, когда мы уже приехали к моему временному дому.

— Что случилось? — подобрался Кашин.

— Может случиться. Вот ты как отнесешься к тому, если меня объявят Антихристом? — спросил я.

Иван перекрестился.

— Не поверю, — после паузы сказал Иван.

— А другие поверят... Так что отправь с надежным человеком мое послание в Петербург,
— сказал я.

Глава 2

*Тот, кто желает построить армию, должен начать
строительство с желудка.*
Фридрих Прусский

Потсдам. Строящийся дворец Сан-Суси и его окрестности. 15 июня 1742 года

Позади оставалась грандиозная стройка. Новый дворец был не менее важным для прусского монарха, чем даже война. И он, можно сказать, жил на стройке, следил за всеми процессами возведения грандиозного дворцового комплекса.

Фридрих был уверен, что есть три главных добродетели просвещенного сильного монарха: это, собственно, игра в Просвещение, с музыкой, литературой; это строительство, так как каждый великий правитель должен оставить после себя великие здания, как символ эпохи; это война.

Без войны, как считал король невозможно быть великим. Тем более, Пруссии, пока еще небольшому королевству, которому как воздух нужны новые развитые территории.

Открытая карета мчалась по утрамбованной дороге. Вокруг Потсдама и Берлина дороги, может быть и лучшие в Европе. Король держит свою власть прочно. И для него особой разницы нет: военный или строитель, обязаны под страхом жестких наказаний выполнять свои обязанности.. Все в государстве винтики, и лишь один болт – король.

Фридрих Прусский, молодой и амбициозный король, жаждущий славы и расширения своего королевства, зачастую играл в такого вот... доступного для всех монарха. Любил пообщаться с крестьянами, похлопать по плечу крестьянских парней, спросить у них о том какой предвидится урожай, к какому полку приписаны парни и как они собираются с честью умирать за своего короля.

И ведь никто не организовывал эти встречи. Крестьяне таковыми и являлись, король тоже настоящий. Некоторые видели в таких поступках прусского монарха вершину просвещенности короля. Но он проезжал чаще всего в одни и те же деревушки, мог спрашивать одних и тех же людей о их жизни.

Установившаяся в благословенных землях Бранденбургского правящего дома погода благоволила. Чуть прохладный, но не пронизывающий, а освежающий ветерок обдувал сидящего в открытой карете монарха. Плотная сидящая на его голове треуголка, казалось, что никогда не слетит, даже если начнется ураган. Не догадывается Фридрих, что такой ветер, способный и шляпу снести с головы прусского монарха, да и самого его сбросить с коня, есть. Это “русский ветер” [*отсылка к сюжету в реальной истории, когда в битве при Кунерсдорфе король потерял шляпу*].

Сегодня король взял с собой в поездку министра Генриха фон Подевильса. Фридриху вновь нужен был взгляд со стороны своего главного критика, но отличного исполнителя. Все поразились, почему Подевильса все никак не отправят в отставку. Но король считал именно этого министра своим главным советником. Послушай Подевильса и сделай наоборот!

В европейской политике происходили такие тектонические сдвиги, что прусскому монарху следовало трижды подумать, как поступать дальше. Разве же Фридрих способен на то, чтобы бездействовать? Вопрос стоял только в одном: когда начинать войну? И тут ответов, на самом деле, не так чтобы и много: или прямо сейчас, сегодня объявлять о выдвижении армии; или на днях.

Нужна скорость, внезапность. И пока Австрия с ее непризнанной европейскими державами, многими из них, императрица Мария Терезия, отправила войска на юг, нужно бить. Быстро, молнееносно.

— Блицкриг! – вслух произнес Фридрих. – Да, быстрая война.

— Ваше величество, простите? Я не услышал вас. Ветер воет, – повинулся министр Поде-
вильс.

Действительно, открытая повозка летела так, словно бы самое важное для прусского короля сейчас спросить у крестьян из ближайшей деревни, славный ли урожай картофеля нынче. И пробовали ли они тот овощ, который приказал повсеместно выращивать сам король. Вот только в здешних местах только и делают, что едят картофель. Ведь король об этом лично интересуется.

— Есть новости из России? Получилось ли моим шпионам что-нибудь узнать? – спросил Фридрих у министра.

Подевилс вновь не знал, что отвечать. Ведь собирать сведения со шпионов – не его задача. Сведения до Первого министра приходят только те, которые касаются его деятельности. Но молчать больше нельзя.

— Боюсь, ваше величество, что достойных вас тайных новостей из России не предвидится. Степан Тайниковский, глава Тайной канцелярии, разгромил так тщательно выстраиваемую шпионскую сеть в России. Причем буквально на днях пришли сведения, – сказал Подевилс.

Фридрих даже привстал с дивана кареты. Тут же экипаж налетел на кочки и король чуть не выпал из кареты.

— Откуда вам это известно? Я же приказал, чтобы никто ничего не рассказывал о поимке моих шестерых шпионов! – взревел король. – Мне ни к чему дипломатический скандал с Россией.

— Русские газеты, ваше величество. Они не смолчали. Мне привозят из Петербурга газеты два раза в неделю. И представляете, у них “ведомости” выходят каждый день, кроме воскресенья. Невиданно, – сказал пожилой министр, мастерски перебивая тему разговора на другую.

— Россия! Она зудит у меня в седалище! – в сердцах выкрикнул Фридрих.

Подевилс хотел бы пожалеть короля и его седалище, но понял, что староват для этого. Ведь есть молодые и высокие барабанщики, с которыми так любит общаться король. Может быть у них будет лекарство для королевского седалища. Ну или это все наветы.

— Нынче только ваше королевство и Россия сильны, ваше величество, – решил немного польстить королю министр.

«Два льва в одной клетке не уживутся», – подумал прусский король и скривился.

До него дошел неоднозначный смысл аллегии. Елизавета... А ведь пока номинально она все еще правит Россией, – женщина, как был уверен Фридрих, морально падшая. Ну и что лев должен сделать с львицей, если они оказались в одной клетке?

Подобное прусскому королю было противным. Даже думать, что он, с женщиной!

— Тьфу! Аж противно! – вслух сказал Фридрих.

— Простите, мой король, я не совсем понял, – сказал Подевилс.

— Не берите в голову, мой вечно бурчащий друг, – король чуть потряс головой, прогоняя дурные мысли о русской престололюбительнице. – Я ведь не зря взял вас с собой на прогулку. Вы мой критик. Вы против войны. Но вы же и старый лис. Русский императ... русский канцлер водит ли меня за нос? Он же дьявол! В такие лета, почти что безродный, пусть и немец, но управлять Россией!

— Мой король, этот юнец сильно увлекается. Он перегревает экономику и русское общество реформами. Всего должно быть в меру. Такие изменения не должны все приводить к хорошему, если только не знать, к чему они приведут. Но я в ясновидении не верю.

— А зря... Звезда Бранденбургского сияет надо мной, – сказал король.

Подевилъс посмотрел в глаза своему монарху. Подумал, что кто еще скажет правду, как не он.

— И все же, мой король, война, пока Россия не с нами – это крах всему, – словно бы в омут с головой окунулся, сказал министр.

— А не пройтись ли вам ногами? – зло выкрикнул Фридрих.

Потом тростью сиганул кучера по спине. Карета остановилась. Молодой король демонстративно отвернулся. Будучи уже в годах, министр Подевилъс не без труда вылез из кареты и тут же экипаж монарха двинулся вперед. А министра чуть было не сшиб кирасир королевского сопровождения.

— Правь во дворец! – выкрикнул король.

У него больше не было желания совершать прогулку. Да и откровенно жарко становилось.

— Всех генералов ко мне! – приказал Фридрих ротмистру своего сопровождения.

Сразу же пять кирасир отправились созывать Военный Совет. Король не будет ждать никого. И когда он вернется во дворец, там уже должны быть собраны генералы.

Будто бы вихрь, Фридрих ворвался в кабинет для совещаний. Тут уже находились его верные генералы, которым, как считал прусский монарх, предстоит в самом ближайшем времени покрыть себя славой.

Однако, как только король увидел стоящих и взирающих на него генералов, то немного расстерялся.

Фридрих Второй Прусский явно нервничал. Он умел подавить в себе почти любые эмоции, но мимика и некоторые жесты выдавали внутреннее состояние прусского короля. Самые близкие к Фридриху люди знали, что, когда король морщит нос, он сильно переживает.

Действительно, короля обуревали сомнения. Вроде бы всё готово, и момент для начала войны выбран более чем удачный, когда на своей южной границе австрийцам пришлось перекинуть часть войск.

Сербы начали сильно волноваться, да и представители других народов, живущих на Балканах и всё ещё находящиеся под османским гнётом, подняли восстание. Пока ещё вялое, но в Вене всерьёз думают о том, чтобы воспользоваться моментом и забрать у турок сербские территории и Белград, которых Австрия лишилась после скоротечной войны с османами.

И все же Фридрих набрался решительности и начал Военный Совет.

— Господа! Мои верные генералы! К Вам обращаюсь я, ваш король! В Европе много несправедливости! Одна из таких проблем – это существование Священной Римской империи. Почему Габсбурги должны быть главными в нашем немецком доме? Нет! Бранденбургская фамилия не менее достойна этого! Наши юноши вместо того, чтобы сеять поля, вынуждены идти в армию, чтобы честно и самоотверженно сражаться за своего короля и за то будущее, в которое я Вас веду.

Фридрих обвел взглядом сидящих генералов. Он позволил им сидеть в своем присутствии, сделал такой “подарок”, который должны оценить военачальники. Король заигрывал со своими исполнителями, старался на них не давить. Все же первая война Фридриха.

Война, которая должна была начаться еще года два тому назад. Но русские... Они, по мнению Фридриха, даже не предполагали, что сильно оттянули сроки начала боевых действий. Их оружие вскружило голову короля.

Фридрих сильно давил, когда требовал срочно наладить производство новых штуцеров “русских” пуль к ним. Прусский король был уверен, что сейчас его егеря – самые смертоносные солдаты. Он не хотел верить в то, что русские стрелки куда как опытнее.

— Враги ополчились на нас... – продолжал вещать своим верным слушателям король.

Пруссия была готова начать войну. Может не в той степени, как того хотелось Фридриху. Всегда кажется, что войск недостаточно, даже, если армия вдвое больше, чем была еще три года назад. Мало пушек – их не бывает много. Конницы, лучшей конницы в Европы, было бы

лучше иметь вдвое больше. Вместе с тем, Фридрих подходил к новой войне со стотысячной армией. И набор продолжается.

— На вас уповаю, мой наставник, — сказал Фридрих, обращаясь к генералу, которого более всех остальных чтил, Курта Кристофа фон Шверина.

— Я свою жизнь положу на алтарь победы, мой король, — Шверин встал и поклонился.

— Жизнь мне ваша нужна, но не смерть. Так что сделайте то, что должно. Силезия должна быть по праву прусской, — сказал Фридрих, навис над картой, разложенной на большом овальном столе. — Итак, уточним диспозиции, господа.

Еще раз проиграли вероятности, обсудили.

— Всё ли готово для того, чтобы мы заняли наши земли? Как обстоят дела со снабжением? — спрашивал Фридрих.

Он всё-таки смог собраться, наполниться решимостью. Теперь ничто не заставляет сомневаться.

— Ваше Величество, армия в полной готовности и выполнит любую вашу волю, — отвечал генерал-фельдмаршал князь Леопольд Ангальт-Дессауский

— Тогда, господа, мы начинаем войну, и каждый должен помнить, что звезда Бранденбургского дома светит нам настолько ярко, как никогда ещё не было в истории нашего королевства, — сказал Фридрих.

* * *

Валдайский Иверский Святозерский монастырь. 21 июня 1742 год

Престололюбительница Российской империи Елизавета Петровна смотрела прямо в глубокие, пытливые глаза своего собеседника и покусывала губы. Карие глаза собеседника манили, он словно бы в душу заглядывал. Так казалось набожной государыни. А иссини черная борода предавала образу архиепископа Амвросия таинственности.

Опять этот выбор, снова её побуждают к активным действиям. И вроде бы всё правильно говорит архиепископ Амвросий, но сомнения гложут Елизавету Петровну. Она почти что уверена, что никакие действия против канцлера Норова не возымеют должного эффекта.

— Владыка, а ты сам не боишься того, к чему побуждаешь меня? — спросила Елизавета.

— А с чего мне бояться, Елизавета Петровна? Разве же большего гнёта, чем нынче испытывает Русская православная церковь, представить себе можно? А уж о своей жизни так я и вовсе не беспокоюсь. За правое дело я стою. Россию спасаю от антихри...

— Не смей его так называть! Единожды произнесёшь это поганое слово — более пути назад не будет, — повышала голос Елизавета.

— А ты на меня не кричи! — рычал архиепископ. — Сама ли давно из блуда вышла? Или ещё блудишь? Знаю, что грехами умостила себе дорогу в Ад, но есть пусть. Прощение перед Господом будет — нужна только решительность твоя. Не дай поругать веру православную!

— А читал ли ты, Владыка, сколь убытков несёт наше Отечество из-за того, что расколот народ? — спросила Елизавета. — Я как узнала о том, так ужаснулась.

— Ничего! Платьев меньше достанется тебе, — усмехнулся архиепископ.

Вот так говорить с Елизаветой не стоило. Есть святое для этой женщины и крове веры ее в Господа Бога.

На самом деле ей и самой категорически не нравилось то, что предлагает канцлер. Елизавета думала не столько экономическими или социальными категориями, сколько религиозным мировоззрением. Хотя при этом и очень хотела увеличения доходов казны.

Много грешившая и не прекратившая это делать и после тайного замужества, Елизавета всё время пыталась вымолить прощение у Господа Бога. Сперва много и сладострастно грешить, после — отбивать коленки на паперти, отбивая очередную епитимию.

Так что вопрос веры для Елизаветы стоял очень остро. Это вопрос того, насколько она будет принимать саму себя. Ведь измениться уже не получится. Как жила в блуде, так и будет

продолжать это делать, несмотря на то, что Иван Тарасович Подобайлов старается быть мужем и, говорят, что даже иногда поколачивает свою любвеобильную жену.

Тем более, что в последние годы, когда Елизавета заметила, что понемногу, но её красота всё-таки увядает, она словно бы сходит с ума, стараясь наверстать отнюдь не упущенное. Любовников у неё всё больше и больше. Правда, тайных, и так — без официального объявления отношений.

Причём за моральным обликом и образом престололюбительницы в Российской империи строго наблюдает не церковь, а, скорее, Тайная канцелярия. Это её сотрудники ведут постоянные убедительные беседы, чтобы очередные любовники Елизаветы как можно дольше сохраняли тайну, что имели доступ к телу государыни.

— А ты только не мешай. Все ведают, что труслива ты. Боишься своего всеильного фаворита Норова. А церковь его не боится. Ишь удумал! Секуляризацию земель церковных совершить! — грозно говорил Амвросий. — Не бывать такому, чтобы земли церковные забирались. Мало нам было дел батюшки твоего?

Елизавета мысленно усмехнулась. Понятно, откуда, прежде всего, растут корни всего этого недовольства со стороны церковных владык. Два года назад была проведена ревизия всех церковных и монастырских земель. Обнаружилось, что до их трети вообще не обрабатывается. А тот труд, который применяется в большей части монастырей, — он не просто рабский, а унижающий даже раба. То, как поступают к крепостными в монастырях порой не сравнимо с поступками помещиков, еще тех выдумщиков и затейников.

Так что Норов лез в вотчину, где готовы ему сопротивляться.

— Ряд церковников выступит с воззванием отлучиться прихожанам от общения с канцлером. Мы обвиним его в связях с нечистым. Имеется уже, что предъявлять. И его опыты, и его машины, пар издающие... Всё это от Лукавого, а не от праведного Господа нашего. А ты лишь молчи и крестись, да в церкви бывай каждый день. Вот тем ты и окажешь своё благоволение церкви нашей, — настаивал Амвросий.

— Я не могу идти против церкви Христовой, ибо я прихожанка смиренная, — Елизавета выбрала единственно выгодную для себя позицию.

— С худой овцы хоть шерсти клок, — прошептал себе под нос Амвросий.

Елизавета это услышала. Ей крайне не понравилось такое сравнение. Но она промолчала. Может быть, пока промолчала, а может, и дала волю тем людям, которых представляет Амвросий, чтобы они попробовали-таки спихнуть Норова с пьедестала. Власти у Елизаветы Петровны все меньше. И ее это тяготит. А прививки от переворотов, что были получены еще пять лет назад, уже перестают действовать.

Если это получилось чиновникам и вельможам спихнут Норова, то, может быть, церкви удастся? Она же ещё не пробовала.

Глава 3

— *Одет*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.